

Удар по России

«Гул моторов разбудил утреннее небо Москвы». Обычно так начинаются художественные повествования о начале бомбардировок. Но только не сейчас. Никакого гула не было, всё произошло куда более прозаично. Несколько взрывов прогремело где-то за пределами Москвы, скорее, в дальнем Подмосковье. Потом ещё серия через полчаса, взрывов семь или восемь, как раскаты грома, пронесли над спящей Москвой. Потом затишье, но уже стало совершенно понятно, что «что-то происходит». Что-то гораздо более серьёзное, нежели пожар на вещевом рынке, возгорание торфяников или даже падение авиалайнера на взлёте около одного из московских аэропортов. Сознание отказывалось верить в произнесённое телевизионным диктором, который и сам, похоже, не верил в то, что говорил. «Сегодня в 6:45 утра американская авиация нанесла несколько бомбовых ударов по комплексам противовоздушной обороны и пусковым установкам стратегических ядерных сил России. Около семи утра было поражено ещё несколько объектов российских ПВО, в том числе в районе посёлка Северный в подмосковном Хотьково. Как заявил официальный представитель Пентагона, серия ударов по объектам российской противовоздушной обороны была также нанесена около семи часов утра близ белорусско-польской границы. По его словам, “на данный момент военно-воздушным силам США ничего не угрожает”. Несколько элементов, расположенных вокруг Москвы и вызывавших опасение командования, не более чем через полчаса были подавлены натовской авиацией». Произнеся это, диктор невольно оглянулся, как будто пытался удостовериться, что всё это происходит и, действительно, именно с ним.

Другой канал транслировал интервью с сопредседателем вневедомственного экспертного совета по воздушно-космической

обороне (ВКО). «Последний комплекс С-300ПМ для российской армии был произведён где-то в 1994 году. С тех пор Россия производила эти комплексы только на экспорт, но в 2011 году были прекращены и новые экспортные заказы на С-300, те же, что стояли на вооружении российской ПВО, были настолько изношены, что проблемным было даже их развёртывание. Кое-где стояли ещё С-200. Они вообще представляли собой чистую декорацию. Планировалось, что все они будут заменены на С-400, и даже речь шла о С-500, однако с 2012 года ни одна новая установка на вооружение так и не поступила». Ведущая несколько рассеянно глядела куда-то в сторону от собеседника. Эксперт замолчал, закончив фразу. Возникла пауза. По идее, нужно было задать какой-то вопрос, но интервьюерша лишь пошевелила губами, продолжая смотреть куда-то мимо. Эксперт продолжил, как будто вспомнив: «...ну и система противоракетной обороны Москвы полностью устарела, новая же должна была быть создана на базе системы С-500 после 2015 года. Она должна была полностью заменить систему ПРО вокруг Москвы А-35, созданную ещё в 1970-е годы», — сказал он, вновь предательски замолчав. «Но сейчас, — вдруг как будто очнувшись ведущая, — сейчас у нас есть что-то? Почему не отвечает наша ПВО?» «Сейчас наша ПВО — это элементы ЕвроПРО, — продолжил эксперт, — мы не предложили свои системы, просто не успели довести их разработку до нужной кондиции, поэтому в качестве своего вклада в ЕвроПРО мы предложили лишь свою территорию. Ну, а почему она не отвечает... — конструктор сделал паузу. — Видимо, потому что НАТО — это в том числе и европейский военный альянс».

Выпуски новостей сменяли друг друга, как будто соревнуясь, хотя большинство каналов продолжало вещать в обычной сетке, транслируя развлекательные передачи и сериалы как ни в чём не бывало. «Страны — члены НАТО и другие государства — партнёры по международной коалиции выдвинули перед Владимиром Путиным условия прекращения бомбардировок, отмечается в заявлении, принятом в четверг на совещании глав

МИД стран альянса в Берлине», — начался очередной новостной выпуск. Постепенно складывалась картина происходящего, как-то уж больно напоминая то, что происходило где-то далеко, в бывшей Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, а затем в Иране. И вот теперь в России, прямо здесь, в Москве, всё происходило абсолютно так же. Оказывается, что теперь не скрывали натовские генералы, перед началом операции была проведена тщательнейшая разведка наших стационарных систем вооружения, в первую очередь ракетных войск стратегического назначения (РВСН), пунктов управления, узлов связи средств разведки и их возможное огневое и радиоэлектронное поражение в самом начале боевых действий. Собственно, реализовано было уже не только радиоэлектронное, но и огневое поражение. Системы ПВО у границ России были уничтожены американскими самолётами прорыва F-16CJ Wild Weasel, предназначенными для подавления противовоздушной обороны, ещё в первые минуты начала операции.

Теперь уже стало понятно, об этом говорилось как о чём-то само собой разумеющемся, что комплексы ПВО в том виде, в каком они поставлялись в армию вплоть до последнего момента, в принципе не могли обнаруживать низколетящие, маневрирующие цели. Оказывается, как пояснил эксперт Министерства обороны в эфире одной из радиостанций, и радиолокаторы самолётов не могли обнаружить цели на фоне естественных и искусственных помех, из-за чего поднятая по тревоге с белорусских аэродромов авиация не смогла осуществить ни одного прицельного залпа. «Радиолокаторы самолётов МиГ-25, МиГ-29, МиГ-31 с большим трудом обнаруживали цели, при этом на небольшом расстоянии и только в том случае, если цель перемещалась с небольшой скоростью. Если же цель делала манёвры относительно перехватчика, то радиолокаторы этих самолётов вовсе не могли их обнаружить». «То есть вы хотите сказать, что наша авиация в принципе была неспособна отразить атаку натовских самолётов и ракет “Томагавк”? — с нескрываемым раздражением в голосе

спросил ведущий в студии. — И это наша хваленая авиация, которая называлась одной из лучших в мире?» «Да нет, сами самолёты здесь ни при чём», — начал было отвечать эксперт... «А что при чём?» — сорвался ведущий. «Дело в том, что радиолокатор самолёта МиГ-31 не может обнаруживать перемещение цели во всём диапазоне 360 градусов. Его локатор позволяет обнаруживать цель только в диапазоне 60 градусов. И к этому надо добавить, что МиГ-31 может обнаруживать цель на значительно меньших расстояниях, чем его зарубежные аналоги, и в частности F-14. То есть, исходя из этого недостатка, следует констатировать, что практически все самолёты типа F-14, F-15, F-16, F-18, SR-71 в принципе не могут быть обнаружены и поражены системами вооружения самолётов, ни МиГ-23, ни МиГ-29, МиГ-31, МиГ-31М, СУ-27, ни СУ-30».

Как сообщали СМИ, «из-за недостатков комплексов перехвата самолётов МиГ-31 все поднявшиеся в воздух самолёты были безнаказанно уничтожены натовскими F-14», из чего тут же был сделан неутешительный вывод о том, что самолёт МиГ-31 вообще не может противостоять «Фантому» и уничтожается сразу и бесконтактно. Тут же что-то сообщалось о причинах, кроющихся в уязвимой системе радиолокационного обеспечения МиГа, и о том, что на МиГ-31, оказывается, стоит «фазированная антенная решётка с электронным сканированием» и что это «главная беда самолёта МиГ-31», а на всех американских самолётах и их европейских аналогах стоят целевые антенны. Но все эти технические подробности уже звучали как-то бессмысленно и обречённо.

Одно чудовищное откровение следовало за другим. Выяснилось, что и зенитчики оказались в ситуации полного бессилия. Заместитель командующего войсками оперативно-стратегического командования Воздушно-космической обороны пытался как-то оправдаться: «Все российские зенитные комплексы, оборудованные отечественной аппаратурой радиоэлектронного противодействия, в принципе не могли обнаружить и уничтожить атакующие цели». Хотелось спросить этого

человека, почему же это конструктивное и технологическое бессилие, со всей наглядностью продемонстрированное в военных конфликтах в Сирии, Ливии, Ираке и Югославии, где использовались те же самые зенитные комплексы, не заставило полностью отказаться от них? Но и на это у высокого военного начальника нашёлся ответ. Выяснилось, что при проведении государственных испытаний данных комплексов систематически осуществлялась фальсификация показателей, подтасовка фактов и данных. «Прилёт самолёта Мартина Руста на Красную площадь и военные конфликты последних лет наглядно демонстрировали это», — как будто открывая для себя загадку происходившего, парировал военный чиновник.

Москва же, к удивлению российских военных, продолжала подвергаться «точечным бомбардировкам», сделавшись совершенно беззащитной. Информация о лежащем в руинах «противовоздушном щите» столицы оказалась государственной тайной исключительно для самих военных, которые только сейчас заговорили о том, что система ПВО А-35 вокруг Москвы безнадёжно устарела более четверти века назад, что в ней используются два типа ракет, «один из которых давно практически не боеготов». «Что касается второго типа ракет, — с увлечением рассказывал какой-то полковник, — то у них боевые части хранились отдельно от самих ракет. Соответственно, время их снаряжения оказалось неадекватно времени подлёта средств нападения противника».

Все ждали заявлений официальных лиц. Как-то синхронно по всем каналам одновременно вдруг началось включение из резиденции в Ново-Огарёво. За столом сидел Владимир Путин, как-то вполоборота, будто рассказывая кому-то слева от себя, между делом. «Впрочем, сейчас непосредственной угрозы нанесения целенаправленного ядерного удара по Москве не существует... — Он вдруг как будто бы только заметил присутствие камер у себя в кабинете, с недоверием повернул голову в их сторону, но тут же вновь продолжил, обращаясь к кому-то слева: — Мы не станем применять ядерное оружие, так как

это будет неадекватно текущей ситуации, а Китай использует ракеты только как средство ядерного сдерживания. Так мы считаем...» — как-то с грустью завершил Путин. Трансляция прервалась так же резко, как и началась. Из сказанного, да ещё в такой странной манере было совершенно непонятно, осознаёт ли руководство страны серьёзность происходящего, готовит ли какие-то ответные меры. Вопросов стало ещё больше, чем было до «включения». С кем разговаривал Путин, кому он это рассказывал?

Как будто в подтверждение слов о том, что «сейчас непосредственной угрозы нанесения ядерного удара по Москве не существует», начался сюжет, в котором рассказывалось, как журналисты побывали на заброшенном подмосковном объекте ПВО. В кадре появились разрушенные ангары и портреты членов Политбюро ЦК КПСС. «Ранее СМИ уже писали, что многие объекты советской системы противовоздушной обороны Москвы превратились с тех пор в руины. Но если раньше некоторых объектов не было ни на одной карте, то теперь их нет и в действительности, тут руины, — комментировал корреспондент “Вестей” транслируемую картинку. — Мы побывали на одном из таких объектов — в районе так называемой большой бетонки». Камера беспристрастно передавала свидетельства преступления против безопасности страны на фоне закадрового комментария репортёра. «В глубине — система тамбуров, висят инструкции, при каких видах заражения какую дезинфекцию надо пройти. Герметичные двери уже растащили, и запутанная система комнат выводит в такой же огромный ангар на другой стороне холма», — продолжал корреспондент. Проводник заводит журналистов в ангар, где располагалась канцелярия. «Судя по газетам и записям, жизнь тут замерла в 80-х годах прошлого века. В комнате отдыха до сих пор висит портрет Ленина и стоит телевизор “Рубин”. О том, что это не простые развалины, напоминает только тот факт, что вблизи этих мест до сих пор не было разрешено строительство».

Собственно, сами ракетно-бомбовые удары, как казалось, начали происходить по нарастающей. Телевидение всё ещё работало, хотя все помнили о том, что и в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и Иране вещательные станции и телестудии становились мишенями одними из первых. Видимо, в том, что телевизионное вещание всё ещё продолжалось, была какая-то логика, все ждали чего-то главного, сообщения или сюжета. Но эфир был заполнен лишь свидетельствами добровольной капитуляции. Вспомнилось всё. И то, что США на протяжении последних как минимум десяти лет усиливали ПРО возле восточных рубежей России, и то, что самый большой американский радар морского базирования был перенесён на Алеутские острова в Беринговом море, поближе к Камчатке, хотя ранее он располагался на базе Пёрл-Харбор на Гавайях. Напомнили и то, что система такого типа способна отслеживать и распознавать в космосе даже небольшие объекты — и потому сейчас наша система спутникового контроля выведена из строя. Сюда же, в копилку стремительного американского военного успеха, видимо, следовало теперь уже отнести и пусковые установки антиракет в Польше, радарную станцию в Чехии, покрывшую Белоруссию и Украину и сделавшую бессмысленным ответный ракетный удар. По крайней мере именно этим можно было хоть как-то объяснить то, что спустя сутки после начала натовской атаки такого удара так и не последовало.

Объекты американской ПРО в Западной Европе, на Дальнем Востоке, радиолокационные системы на Алеутских островах, в Калифорнии и на Аляске, в Великобритании, Гренландии и на острове Хонсю в Японии — сознание отключалось уже только от одного перечисления. Хотелось кричать, выть от боли, от злобы, от безысходности.

«...16 крейсеров и эсминцев, оснащённые противоракетами СН-3, в Тихом океане и Средиземном море, элемент глобальной американской ПРО в Израиле», — волосы шевелились на голове от вдруг свалившегося на голову объёма того, что стало залогом успешности столь безответной, вопиющей по

своей безнаказанности и ставшей такой неожиданностью прямой военной агрессии. Да, теперь можно было сколько угодно успокаивать себя объяснениями о том, что в 2013 году американская РЛС раннего предупреждения перекрыла всё Северное полушарие от Калифорнии до Центральной Европы, что в Тихом океане появились радиолокационные системы, более 50 установок наземного и до 100 установок морского базирования, а к началу операции США закончили разработку установок противоракетных лазерных систем и мобильных систем перехвата. Но всё это уже не имело никакого значения.

Ситуация была настолько чудовищно провальной, а беспомощность настолько очевидной, что странной теперь уже казалась мысль о том, что западная коалиция почему-то могла бы не осуществить этой агрессии. Всё состояние дел просто провоцировало сделать это. И даже то, что Россия как-то нелепо и совсем несвоевременно всё же настояла на полной утилизации зарядов и носителей, а также на сокращении до трёхсот ядерных боеголовок с обеих сторон. Ведь уже тогда было очевидно, что для США, имевших достаточно других высокотехнологичных вооружений для того, чтобы доминировать в мире, это не станет проблемой. Многокомпонентная и постоянно развивающаяся система противовоздушной обороны, лазерные пушки на “Боингах”, чтобы сбивать ракеты, стартующие с подлодок, и космические платформы, которые были развёрнуты на орбите в 2012 году, — всё это дало возможность с лёгкостью согласиться на российское предложение о ядерном разоружении.

Теперь уже никто и не скрывал, в первую очередь со стороны американских военных чиновников: даже за время выполнения договора СНВ-1 США постоянно и намеренно допускали его нарушение. Вместо того чтобы уничтожить ракеты, как это делала Россия, они складировали их, сохраняя ядерные боеголовки и вторые ступени ракет, то есть так называемый возвратный потенциал, также сохраняя пусковые установки. В конце 2001 года США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО. В декабре 2002 года Вашингтон приступил

к созданию НПРО, в результате чего США получили серьёзное стратегическое преимущество. Россия добровольно снизила свою возможность ответного удара, чем ослабила свой оборонный потенциал. Без ядерного щита Россия стала уязвимой для вторжения. Оставшуюся ядерную угрозу легко предотвращала американская система ПРО, но...

Следующим кадром стал кабинет премьера, за столом — он и министр обороны. «Я хочу объявить вам о том, что только что я подписал указ о вашей отставке. Министерство обороны не справилось с перевооружением, поставленные мною задачи не выполнены, реальная ситуация в нашей армии не была доложена вами в полном объёме». Премьер замолчал. Тишину разрывали щелчки фотовспышек. «В сложившейся ситуации я как исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего хочу сообщить вам, а также всем гражданам России о своём решении. Россия всё ещё является ядерной державой, и мы всё ещё обладаем ядерным потенциалом, с помощью которого можем нанести ответный удар, хотя значительная часть стратегических ядерных сил России уничтожена в первые минуты. У нас осталось ещё какое-то количество передвижных комплексов “Тополь”... — премьер сделал паузу. — Но мы должны представлять и те последствия, которые возникнут в этой связи. Речь идёт о ситуации ядерного коллапса, который, возможно, поставит точку в истории планеты Земля. К тому же ядерный ответ с нашей стороны будет неадекватен, учитывая, что удар по нашим стратегическим ядерным силам был неядерным. Понимая это, даже если исключить самое страшное развитие событий, я хочу заявить, что не могу жертвовать сотнями тысяч жизней ни в чём не повинных людей. У данной ситуации есть виновные, и они будут наказаны самым строжайшим образом. Вы знаете, как я бережно отношусь к людям и к кадрам». Картинка погасла, несколько секунд экран был абсолютно чёрным, как будто авторы сюжета хотели подчеркнуть драматичность момента, после чего обычно появляется заставка канала, идущая без звука. На экране появилась серая рябь...

1

Внешняя политика: катастрофа пересменки

Вызов безопасности

«Удар по России» — такая перспектива и даже сама фраза никого не может оставить равнодушным. Каждый понимает, что это грозит опасностью — ему лично, семье, близким, народу, государству. Всему миру в конце концов, ведь нас давно убедили в том, что мир глобализируется и это неизбежно. А значит, всё взаимосвязано. И если, допустим, Североатлантический альянс, объединяющий большинство стран не только Европы, но и некоторых государств, находящихся за её пределами, ударит по России, лежащей в центре Евразийского континента, то отголосок этого удара коснётся всех, включая самые отдалённые уголки мира. Такова уж сегодняшняя реальность. А значит, вопрос безопасности России в данном случае, да и любого государства в целом, учитывая нынешнюю глобализацию, беспокоит каждого жителя планеты. Безопасность — как глобальная, так и локальная, и даже личная, персональная, которая теперь, получается, всецело увязана с глобальными процессами, проходящими в мире, — теперь касается каждого. А значит, вопросы безопасности перестают быть головной болью исключительно политиков и военных. Безопасность отныне — дело всех, каждый должен в той или иной степени, по мере своих сил